

Региональная лексика Крайнего Северо-Востока России

Соколянская Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

Термин *региональная лексика* используется исследователями для обозначения группы слов, призванных отразить специфические реалии какой-либо местности. Соответственно *регионализмы* – это слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определенной местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией [1, с. 27–28]. Состав регионализмов неоднороден и часто не имеет четко обозначенных границ. Одни регионализмы связаны с диалектами, другие (хотя и функционируют в диалекте) приближаются к терминам, так как используются в этнографической литературе, некоторые из них по своему происхождению являются заимствованиями из языков народов Севера. Все они объединены общим свойством – нацеленностью на реалию северных территорий, современную или являющуюся устаревшей с точки зрения современного быта.

Сфера употребления региональной лексики включает в себя: 1) живую речь людей, проживающих на Крайнем Северо-Востоке; 2) художественную и публицистическую литературу о Крайнем Северо-Востоке, путевые заметки, воспоминания, дневниковые записи; 3) историко-этнографические исследования Крайнего Северо-Востока.

Степень известности регионализмов может быть различной, в зависимости от этого можно выделить следующие группы региональной лексики:

1. *Собственно регионализмы*, то есть слова, обозначающие реалии определенной территории и мало известные (или совсем неизвестные) жителям других местностей. Часто это группа лексики представлена словами, принадлежащими какому-либо сибирскому наречию или говору Крайнего Северо-Востока и зафиксированными диалектными словарями. В словари литературного языка эти слова, как правило, попадают с ограничительными пометами, чаще – «Обл.». Обычно их знают не только жители сельской местности, но и городское население: *хэбденёк* ‘региональный национальный эвенский праздник, который проходит в июне в г. Магадане’, *корáль* ‘загородка для оленей’, *кухлянка* ‘верхняя одежда из оленьих шкур’ *лупанíна* ‘разновидность строганины’ и др.

2. *Относительные регионализмы* – слова, известные в литературном языке, но неупотребляемые или почти неупотребляемые большинством носителей русского литературного языка в силу того, что реалии, обозначенные этими словами, не являются актуальными для них (сюда можно отнести такие слова, как *корюшка*, *навага*, *мальма*, *нерка*, *сопка*, *жимолость*, *шй́кша*, *стлáник* и т. п.). Обычно именно выделение этой группы регионализмов вызывает дискуссии. По остроумному замечанию М. Ю. Федосюка,

пунктуальное следование этому определению вынуждает нас признать, что слово *метро* является регионализмом, характерным для крупных городов. В принципе это утверждение можно принять: частотность употребления слова *метро* в речи москвичей значительно выше, чем у магаданцев. А частотность употребления – это важный параметр функционирования слова.

3. *Книжные регионализмы* – это слова, употребляющиеся в художественной или научной литературе для решения специфических задач. Их предназначение в художественном тексте – придать повествованию определенный стилистический колорит, а в научном – участвовать в формировании соответствующих терминосистем (этнографических, ботанических, зоологических и др.). Примеры: *кэ́ркэр* ‘меховая женская одежда’, *остóл* ‘палка для управления собачьей упряжкой’ и др.

4. *Вкрапления регионального характера* – это, как правило, слова из языков коренных народов Севера, которые используются в научной литературе (реже в художественной) для обозначения специфических реалий (например, местных названий животных и растений). Обычно эти слова за пределами ограниченной группы текстов не употребляются и неизвестны носителям русского литературного языка. При использовании вкраплений из языков, пользующихся латинской системой письма, такие слова даже предпочитают писать в графической системе языка-источника, однако подобный прием трудно использовать в отношении языков Севера, так как народы, говорящие на этих языках, используют кириллическую систему письма с добавлением некоторых знаков, как правило, диакритического характера. Пример из современной прозы: «Если по забывчивости спросишь у чукчи, кто это сидит на дереве и долбит по стволу, чукча ответит: «Это утырэвмырэвты». Впрочем, зимой дятлы улетают. Но остаются глухари (утырэвмырэв) и куро́патки (рывмырэв)» (В. Писигин).

В основе тематической группировки региональной лексики лежит традиционный принцип, опирающийся на внеязыковую реальность: 1) обозначения лиц по тому или иному признаку (чаще всего социальному); обычно в словарях данные номинации характеризуются двумя признаками – региональным и временным: *камáк* ‘злой дух’, *тойо́н* ‘глава рода, обладающий силой, храбростью, богатством’, *эрэм* ‘глава рода, начальник’, *кавраляне* ‘богатые чукчи’; 2) профессиональная лексика охоты, рыболовства и морского промысла: *ма́рик* ‘крючок’, *ка́йрио*, *арама́ки* ‘виды посла рыбы’, *епалги́ны* ‘моржовая шкура’ *кулемá* ‘ловушка на пушного зверя’ *пыгыгы* ‘надутая воздухом нерпичья шкура’; 3) обозначения предметов быта и построек: *балаган*, *барабара*, *жупан*, *полог*, *чум*, *юрта*, *шалаш*, *яранга*, *летник*, *поварня*; 4) обозначение

ния пищи и напитков: *щербá* ‘рыбная похлебка’, *рилькэйль* ‘вид крайне специфической чукотской пищи’; 5) обозначения реалий растительного и животного мира: *важенка*, *эрник* ‘кривой низкорослый кустарник’; 6) обозначение предметов и понятий традиционной национальной культуры: *камлёя* ‘вид национальной одежды’, *хóньбы* ‘женский комбинезон из оленьей шкуры’; 7) описание природного ландшафта: *пурга*, *шугá* ‘осенний мелкий лед на реке’, *кошка* ‘песчаный морской берег’, *забой* ‘сугроб’, *камень* ‘отдельный утес’.

Таким образом, регионализмы можно разделить: 1) по сфере употребления (живая речь, художественная, публицистическая и научная литература); 2) по степени известности (собственно регионализмы, относительные регионализмы, книжные регионализмы, регионализмы-вкрапления); 3) по лексико-тематическим группам (общее количество этих групп представляет собой открытый список).

Приведем некоторые примеры функционирования регионализмов, называющих одежду, в письменной речи. Еще в начале XIX века в материалах Ф. П. Врангеля встречаются такие слова, как *парка*, *кухлянка*, *камлея* и др.: «Носовой чукча сверх мохнатой *кухлянки* своей носил он на шее два образа и четыре креста, а на груди его между двумя дощечками в виде футляра висели два письменных свидетельства: одно о принятии им и его тремя сыновьями Св. Крещения, а другое о пожаловании ему Государем Императором *камлеи* из красного сукна, за присылку чернобурой лисы» [2, с. 328].

В работе В.К. Войта «Камчатка и ее обитатели» дается описание быта оседлых и кочевых народов: «Оседлые ходят большей частью в тканых куртках, сюда привозимых; кочующие Алюторцы в *камлейках роудожных*, выделанных их оленьей кожи вроде замши» [3, с. 10].

Нижнеколымский миссионер священник Андрей Аргентов считал своим долгом выезжать в чукотские поселения и оставаться там на некоторое время, изучая язык и быт чукчей, в своих воспоминаниях он писал: «В Нижнеколымске сторож – русский человек. На плечах *камлея*; а холодно – он *парку* надевает, наколенные *сутуры*, *кухлянку*» [4, с.7].

Современные научные работы, посвященные ительменам, камчадалам, корякам, чукчам, юкагирам и т.д., также не могут обойтись без регионализмов. Так, в коллективной монографии «Народы Северо-Востока Сибири» [5], описывая историю коренных народов Крайнего Северо-Востока, ученые вынуждены обращаться к материалам путешественников XVII–XIX вв., местным записям, воспоминаниям, а значит, цитировать С.П. Крашенинникова, В. Г. Богоразу, Я. И. Линденау и др.

Из современной научной работы можно узнать, что в бытовой жизни коряков есть такие вещи, как *маниги* (мешки из морской травы), *кокаёлганы* (корзины из прутьев), *титина* (игла вообще), *омти* (большая игла для шитья прочных материалов), *лилит* (рукавицы из камуса), *ильчичан* (погребальный костюм для тигильских коряков) и т.д.

При описании материальной культуры чукчей

употребляют другие наименования: *яранга*, *полог*, *аауканенг* (глиняный горшок), *кэмэн* (деревянное блюдо), *керкер* (женский меховой комбинезон), *копальхен* (квашеное моржовое мясо) и т.д.

Существуют группы слов, схожие с регионализмами и в то же время имеющие свои специфические черты. Рассмотрим группы лексики, соотносимые с регионализмами по таким признакам, как локальность распространения; связь с конкретной территорией; экзотичность явления, называемого словом; отсутствие вербального эквивалента из литературного языка.

Диалектизмы – характерные для каких-либо территориальных диалектов слова, словоформы, синтаксические обороты, фонетические, акцентологические варианты, включенные в литературную речь и воспринимаемые как отступление от литературной нормы.

Например, в говорах Крайнего Северо-Востока имеются слова *áут* ‘инструмент для скобления кож’, *сáры* ‘высокая непромокаемая обувь из кожи животных’, *оштóл* ‘палка для торможения собачьей нарты’, *сáйба* ‘рубленый амбар, обычно на высоких столбах’ и др. Научная и художественная литература поддерживает употребление таких слов: умирая в говоре, слово еще долго живет в письменном источнике, в лексикографической фиксации.

Среди диалектной лексики выделяют этнографизмы – слова, обозначающие специфические явления старой крестьянской жизни или местной природы, термины каких-либо промыслов, имеющих общерусское распространение. Н. М. Шанский относит к этнографизмам «диалектные слова, которые обозначают предметы и явления быта и труда, специфичные для определенной местности и неизвестные литературному языку» [6, с.118]. Они используются для описания предметов домашнего обихода, деталей жилой постройки, местной одежды и представляют интерес не только в лингвистическом, но и в историко-этнографическом плане.

В говорах, как правило, эта лексика сохраняется. На территории Крайнего Северо-Востока консервации подвергались, прежде всего, названия орудий рыбного промысла, охоты. Например, Н.Л. Гондатти в «Сведениях о поселении по Анадыру» (1897) пишет: «Всего в поселке рыболовных принадлежностей: *карбасов* на три человека два, *веток** 2, волосяных сеток – 9, *прядевых ставов* – 9 и две *мотни*». Понимая специфику диалектных слов, в сноске на этой же странице он подробно описывает новую для читателя реалию: «*Ветка*, маленькая лодка, до 20 ф. весом, которая употребляется для охоты на оленя, во время его весеннего и осеннего хода через р. Анадырь. Делается ветка из трех очень тонких досок; поднимает одного человека; управляется веслом, на одном конце которого приделано железное или стальное копьё» [7, с. 80]. В конце XX века это слово фиксировалось в с. Гижиге, Русском Устье и др. населенных пунктов Колымы.

Экзотическая лексика – «слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемые для придания

речи особого колорита. □ В русск. яз. гурия, гяур, шальвары, аул, уздень, чихирь» [8, с. 214].

Употребление слов типа *вигвам, хартал, чидаоба*, считает Л. П. Крысин, обусловлено не языковыми причинами, а «тематикой, ситуацией речи: рассказываю о какой-либо стране, автор употребляет слова, обозначающие вещи или явления, которые специфичны для этой страны» [9, с. 40]. Л. П. Крысин высказывает мнение, что экзотизмы остаются за пределами словарного состава языка, поскольку вместе со словом не заимствуется предмет, им обозначаемый. «Употребляться в языке такое иностранное слово может, но оно будет оставаться «чужим», экзотическим до тех пор, пока чужой и экзотической носителям данного языка будет казаться реалья, обозначаемая этим словом» – пишет он [9, с. 40]. Заимствуя и предмет, и слово, мы отвлекаемся от понятия *экзотизм* и вынуждены оперировать термином *заимствование*.

Как экзотизм можно квалифицировать слово *санаях* в материалах Ф.П. Врангеля о северных территориях: «Короткие в обтяжку штаны и узкий *санаях* (род кафтана, или старинного фрака) совершенно соответствуют беспрестанной подвижности тунгусов, вообще от всех своих соседей отличающихся проворством, легкостью и всегдашней веселостью, так что мы обыкновенно называли их французами тундры» [2, с. 322–323].

В переводной литературе обычно сама экзотическая реалья требует подробного описания в тексте произведения или в словарном материале, представленном в подстрочнике. Например, в переводе чукотской сказки «Предание о Чивтыгине из Утэна» охотник разговаривает с *келе*, своим добрым духом, представшим в образе уточки. Птица не хочет пускать его в открытое море для охоты за моржами, на что он ей отвечает: «А ну, помолчи-ка ты лучше! Сама ведь ты зимой никак нам *копальгена* не заменишь!». Сноска для слова *копальген* дается следующая: «Копальген (в чукотском написании «*копалгын*») – моржовое мясо, которое заготавливалось на зиму, хранилось в мясных ямах и в замороженном виде употреблялось в пищу» [10, с. 72].

К некоторым словам-заимствованиям из языков народов Крайнего-Северо-Востока применим термин «иноязычное вкрапление» (синонимичные термины – *окказиональное слово иноязычного происхождения, неассимилированная иноязычная лексика, экзотизм-вкрапление, варваризм-экзотизм* и т.д.). Л. П. Крысин считает, что иноязычные вкрапления – это «иноязычные элементы, не принадлежащие к кругу устойчивых и интернациональных. Их использование в тексте часто связано с художественно-стилистическими задачами, а иногда отражает индивидуальное употребление» [9, с. 48]. Это слова из других языков, не освоенные ни фонетически, ни грамматически, ни лексически. Они не фиксируются словарями русского языка, но могут встречаться в текстах сходной тематики (например, при описании флоры и фауны того или иного региона).

В пределах одной фразы похожие внешне иноязычные вкрапления могут различаться по степени

освоенности: «Охотились чукчи и эскимосы в основном на греландского («*йитив*») и серого («*лыгирьэв*») китов. Охота была коллективной. Несколько байдар преследовали кита на парусах. Сначала его гарпунили, а когда он был на «*лыгыгах*» – воздушных перепиных поплавках, кололи длинными специальными копьями насмерть» [11, с. 110]. Если первые два иноязычных слова имеют синонимы в русском языке (греландского «*йитив*» и серого «*лыгирьэв*»), то значение слова *лыгыги* возможно передать только с помощью описания необычного предмета, однако данный экзотизм вполне освоен в конкретном тексте, получив окончание *-ах* для выражений грамматического значения множественного числа.

Употребление таких слов в исследованиях коренных народов Севера позволяет говорить о терминологическом характере лексики, обозначающей реалии материальной и духовной культуры.

Вспомним, что впервые северные *регионализмы* встречены в исторических, географических и этнографических описаниях. Специфика регионализмов, входящих в состав различных терминосистем, состоит в том, что они описывают местные природные богатства и входят в научную номенклатуру. Такими, на наш взгляд, являются названия ягод (*морюшка, голубика, жимолость, шикша, брусника*), названия рыб (*мальма, кижуч, кета, корюшка, горбуша, вахня*) и др. Среди них можно найти слова, зафиксированные нормативными словарями русского языка, и те, которые отражены только в специальной литературе по ихтиологии (например, *вахня*). Все они, однако, известны проживающим на территории Крайнего Северо-Востока и оставляют органическую часть их быта.

Существует еще одна группа слов-терминов, которые являются по происхождению диалектизмами или заимствованиями из языков северных народностей. Они функционируют только в литературе, посвященной описанию истории и этнографии этих территорий, и в рамках этой тематики обладают определенной воспроизводимостью.

Например, в научной монографии «Чукчи» В.Г. Богораз пишет: «...казаки ходили неумолимо для прииску новых земель и новых неясачных людей. Истари привычные к пешему и речному ходу, они вышли в Полярное море на своих неуклюжих «*кочах*», без карт, без компаса и ходили в далекие морские плавания, которые неизменно кончались кораблекрушением» [12, с. 37]. Существительное *коч* зафиксировано во многих словарях XIX века как территориально ограниченное: «Большое водоходное судно, с одною мачтою и палубою, употребляемое в Сибири и на Северном океане» [13, с. 213].

Уже в конце XIX века эти старинные суда вышли из употребления и само слово в академическом словаре 1891-1930 получило соответствующую помету «стар.» (*старинное*). Несмотря на это, при описании истории заселения Крайнего Северо-Востока всегда используют этот регионализм, с помощью которого возможно более точное описание средств передвижения первооткрывателей

Литература:

1. Соколянская Н. Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект). Магадан, 2007.
2. Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фон-Врангеля. Ч.II. СПб., 1841.
3. Войт В.К. Камчатка и ее обитатели. СПб., 1855.
4. Аргентов А.И. Нижнеколымский край. СПб., 1879.
5. Народы Северо-Востока Сибири/ отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М., 2010.
6. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.
7. Гондатти Н. Л. Сведения о поселениях по Анадыру //Записки Приамурского Отдела ИРГО. Т.III. Вып.1. Хабаровск, 1897. С.71-110.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
9. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
10. Чукотские народные сказки, мифы и предания/ автор Л.В. Беликов. Магадан, 1982.
11. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989.
12. Богораз В.Г. Чукчи: В 2ч. Ч.1. Л., 1934.
13. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Импер. Академии наук. Т.1—4. СПб., 1847.